© ЭО, 2003 г., № 5

А.М. Решетов

ИНСТИТУТ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ – ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ АН СССР. 1933–1943 гг.

Развитие российской этнографии от начала накопления фактических этнографических знаний имеет весьма длительную историю. С середины XVIII по середину XIX в. происходил процесс становления этнографической науки в России, которая к концу XIX – началу XX в. уже имела значительные достижения[1]. В Москве, Санкт-Петербурге, Казани существовали научные общества, в которых этнография занимала видное место. В университетах этих городов преподавали профессора и приват-доценты, много сделавшие для развития этнографического образования в стране. Издавались журналы ("Этнографическое обозрение" в Москве, "Живая старина" в Санкт-Петербурге и др.), в которых печатали свои статьи отечественные этнографы, работавшие не только в столицах, но и на самых далёких окраинах страны. Важную роль в пропаганде этнографических знаний и становлении этнографической науки в России выполняли музеи, из которых особенно выделялись Музей антропологии и этнографии Императорской Академии наук (МАЭ) и Этнографический отдел Русского музея в Петербурге (ЭО РМ), Румянцевский музей с его Дашковским этнографическим музеем и Отделением иностранной этнографии в Москве. Первые два имели свои издания "Сборник Музея антропологии и этнографии (с 1900 г.) и "Материалы по этнографии России" (с 1910 г.), а последний в 1887–1895 гг. опубликовал четыре выпуска фундаментального "Систематического описания коллекций Дашковского Музея". Одним из этнографических центров страны являлось Императорское Русское географическое общество с его отделением этнографии и специальными этнографическими изданиями. При этом следует отметить, что в разных городах страны от Владивостока, Якутска и Минусинска на востоке до Владикавказа и Одессы на западе успешно организовывали этнографическую работу местные музеи и отделения Географического общества. Этнография и в центре и на местах получала все большее развитие.

В такой ситуации вставал вопрос о координации работ по этнографии во всероссийском масштабе. Необходимость ее особенно остро ощущалась в Санкт-Петербурге, бывшем тогда не только столицей государства, но и центром этнографической науки страны. В этой связи по уполномочию особой комиссии Этнографического отделения Императорского Русского географического общества Л.Я. Штернберг в своем докладе "Нужды российской этнографии" на XII съезде естествоиспытателей и врачей в Москве (28 декабря 1909 г. – 6 января 1910 г.) предложил, исходя из того, что научные учреждения, действуя врозь, ослабляют свои силы и материальные средства, "организовать учреждение, которое объединяло бы русских этнографов и этнографические работы в России"[2]. Однако "секция нашла это в принципе желательным, но в настоящее время неосуществимым"[3].

В первой четверти XX в. произошел значительный рост этнографических учреждений. В 1919 г. в Московском университете из кафедры географии на физико-математическом факультете выделилась кафедра антропологии с этнографическим уклоном[4]. В Санкт-Петербургском университете это произошло много раньше: там еще в 1887 г. проф. Э.Ю. Петри возглавил на физико-математическом факультете кафедру географии и этнографии[5]. Здесь же, в Петербурге, в 1902 г. начал свою самостоятельную деятельность Этнографический отдел Русского музея[6]. В декабре 1918 г. на базе Высших географических курсов в Петрограде был создан Государственный географический институт с этнографическим факультетом; последний на правах этнографического отделения в 1925 г. вошел в состав географического факультета Ленинградского государственного университета (ЛГУ)[7]. Значительным со-

бытием явилось создание в Петрограде (февраль 1917 г.) в системе Академии наук Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (КИПС) под председательством Непременного Секретаря Академии акад. С.Ф. Ольденбурга. Первоначально в ее задачи входило изучение только племенного состава населения России, особенно ее пограничных областей, но затем в качестве основной задачи было определено изучение этнического состава населения всей России, а также составление на основе данных языковой и религиозной ситуации, бытовых особенностей и т.п. этнографических карт регионов и карт расселения народностей. Работа КИПС строилась по региональному принципу. К ее деятельности сразу были привлечены ученые-этнографы и представители смежных наук – академики А.А. Шахматов, Е.Ф. Карский, Н.Я. Марр, В.В. Бартольд, а также Л.С. Берг, Ф.К. Волков, Д.А. Золотарев, Б.Г. Крыжановский, И.А. Орбели, С.К. Патканов, С.И. Руденко, А.Н. Самойлович и др.[8] Вплоть до начала 1930-х годов КИПС наряду с МАЭ был ведущим научно-исследовательским центром в системе Академии наук. 1 июня 1924 г. в Москве произошло событие большого научного значения: на основе коллекций Румянцевского музея был создан Центральный музей народоведения (ЦМН), идея образования которого впервые была высказана еще в 1863 г. В ЦМН работали такие крупные ученые, как Б.М. Соколов (директор музея), В.В. Богданов, В.Н. Белицер, Б.А. Васильев, Е.Н. Елеонская, Б.С. Жуков, В.Ю. Крупянская, Б.А. Куфтин, Н.И. Лебедева, М.Т. Маркелов, Б.В. Миллер, Е.М. Шиллинг, Н.Ф. Яковлев, позднее туда пришли М.Г. Левин, С.А. Токарев, С.П. Толстов[9]. Этнография заняла определенное место в деятельности Российской академии истории материальной культуры в Петрограде/Ленинграде и ее отделения в Москве[10]. Невозможно здесь перечислить все те учреждения, в структуре которых существовали этнографические учреждения, но и упомянутых выше достаточно, чтобы понять актуальность и необходимость создания ведущего этнографического центра страны.

Учитывая потребность в этнографическом научно-исследовательском институте и существование условий его создания в Ленинграде (наличие крупных научных сил, этнографических музеев, этнографического отделения в университете, центра по руководству этнографическими экспедициями и др.), в качестве первого предварительного шага в феврале 1928 г. было решено организовать Научно-исследовательское объединение кафедр этноотделения географического факультета ЛГУ. Объединение для организации работы сформировало бюро в составе проф. В.Г. Богораза (председатель), проф. А.Н. Самойловича и проф. Е.Г. Кагарова (товарищи председателя), доц. Я.П. Кошкина (ученый секретарь) и старшего ассистента И.Н. Винникова (помощника ученого секретаря). Уже на первых заседаниях слушались и обсуждались доклады В.Г. Богораза "Протоазиатские элементы в населении северной Евразии", А.Н. Самойловича "Этнографическая классификация турецких народов", Е.Г. Кагарова "Элементы свадебной обрядности", ставились и другие вопросы. В заседаниях принимали участие сотрудники этнографических учреждений города и студенты этноотделения, обсуждения были весьма оживленными и многолюдными[11]. В ближайших планах были доклады проф. Б.А. Фингерта "Марксистская методология и общественные науки", Я.П. Кошкина "Идея избранничества в тунгусском шаманстве", И.Н. Винникова "Черты шаманства в легенде о Мухаммеде" и др. Вскоре по решению Наркомпроса Научно-исследовательское объединение кафедр этноотделения было преобразовано в Этнографический научно-исследовательский институт, деятельность которого положительно оценивалась уже на совещании этнографов Ленинграда и Москвы, проходившем в Ленинграде с 5 по 11 апреля 1929 г.[12]

Вместе с тем Этнографический научно-исследовательский институт, состоявший при Ленинградском университете, естественно, не мог в полной мере играть роль координатора этнографических работ, ведущего этнографического центра страны. Особенно эти недостатки сказывались в организации музейной и экспедиционной деятельности. В докладе Б.М. Соколова "Построение и деятельность советских этнографических музеев" на упомянутом совещании 1929 г. отмечалась необходи-

мость согласования и органической увязки в Ленинграде этнографических музеев АН СССР и Русского и в Москве – Центрального музея народоведения и университетского Этнографического музея. "Разумная целесообразность должна стать выше охраны традиций отдельных учреждений", – таков был вывод докладчика[13]. Еще более категорически совещание выступало против несогласованности работы между музеями Москвы и Ленинграда, а также местными музеями; в принятой по обсуждавшемуся вопросу резолюции и в качестве первого шага для ликвидации такого положения совещание рекомендовало ввести в дальнейшем в практику периодические совещания представителей музеев минимум раз в год[14]. Остро ставил на совещании вопрос об увязке этнографических экспедиций отдельных учреждений акад. С.Ф. Ольденбург: "Отсутствие организованности в экспедиционном деле мешает в значительной мере более рациональному и экономному использованию средств, которых имеется и без того весьма ограниченное количество. Крайнее дробление экспедиций вызывает много лишних расходов"[15]. Совещание признало насущную необходимость создания постоянного регулирующего и планирующего центра по этнографическим экспедициям, но его оформление оставило планировавшемуся Этнографическому съезду[16]. Ситуация, складывавшаяся на совещании 1929 г. по вопросу об организации единого этнографического центра, дает возможность высказать предположение, что положительному решению этого важного вопроса в известной степени мешало традиционное московско-петербургское (московско-ленинградское) соперничество.

Во второй половине 1920-х годов важную роль в координации деятельности советских этнографов выполнял журнал "Этнография", во главе которого стояли ответственный редактор акад. С.Ф. Ольденбург (Ленинград) и ответственный секретарь проф. Б.М. Соколов (Москва)[17]. Хотя авторский состав журнала формировался почти полностью из ленинградских и московских ученых, в нем помещалась также важная информация о деятельности периферийных этнографических научных учреждений, музеев, об экспедиционной работе, справочные сведения биобиблиографического характера об отдельных этнографах страны и т.д.

Однако, как представляется, состояние деятельности этнографических учреждений страны, включая музеи, и ее координация не удовлетворяли руководство АН СССР и Наркомпроса РСФСР. Поскольку Ленинград располагал значительными этнографическими силами и тут находилось руководство Академии наук – ее Президиум, то, не дожидаясь созыва Этнографического съезда, было решено начать подготовительную работу сначала по объединению МАЭ и ЭО РМ. Здесь необходимо отметить, что в конце 1920-х – начале 1930-х годов музеи и комиссии являлись основными структурными подразделениями в системе учреждений АН СССР, институты были единичны. Поэтому естественно, что в те годы велась речь о создании в Академии наук мощного Этнографического музея. На апрельской сессии Общего собрания АН СССР Непременный Секретарь акад. С.Ф. Ольденбург ознакомил собравшихся с постановлением Отделения общественных наук от 27 апреля 1931 г.: "В целях устранения многолетнего параллелизма двух родственных учреждений и исходя из необходимости дать целостное представление о докапиталистических социально-экономических укладах СССР и всего мира, признать необходимым осуществить в течение 1932 г., по договоренности Академии наук и Наркомпроса РСФСР, слияние Музея антропологии и этнографии и Этнографического отдела Русского Музея в единый комбинат, находящийся в ведении Академии наук СССР"[18]. Общее собрание АН СССР решило утвердить постановление Отделения общественных наук и возбудить соответствующее ходатайство перед Ученым комитетом[19]. Под это предложение подводилось в духе того времени соответствующее обоснование. В докладной записке по вопросу о слиянии МАЭ с ЭО РМ, поданной директором МАЭ проф. Н.М. Маториным в Президиум АН СССР (копия Государственному Русскому музею), говорилось: "Не простое любование стариной, а показ исторического процесса в конкретных вариантах, не голый объективизм, а заострённая политически музейная экспозиция, научная статья – школьный учебник – вот что необходимо сей-

час в работе советских этнографов. Этнографические музеи, представляя особо могучее орудие пропаганды исторического материализма и ленинской национальной политики, могут и должны быть на высоте требований нашей эпохи..."[20]. Исходя из того, что первоочередные задачи, стоящие перед этнографической наукой как таковой, настоятельно требуют объединения всех сил советских этнографов, Н.М. Маторин в развитие решений апрельской сессии Общего собрания АН СССР внёс на рассмотрение Президиума Академии следующие предложения: "1. Объединить Музей антропологии и этнографии АН СССР и Этнографический отдел Государственного Русского Музея в единый комбинат, находящийся в ведении АН СССР, с единым организационным и методологическим руководством. 2. Сохранить за объединенным Музеем все помещения, ныне занимаемые Музеем антропологии и этнографии и Этнографическим отделом. 3. Объединенный Музей переименовать в "Ленинградский Музей Народоведения", что более понятно для широких масс. 4. Внутри объединенного Музея уничтожить всякий параллелизм, тем самым выиграть площадь для новой экспозиции, помимо уже вышеуказанных последствий по части сил и средств. 5. Для проработки вопроса об объединении образовать межведомственную комиссию, которой и согласовать вопрос с Учкомом и НКП РСФСР. 6. Слияние музеев осуществить с января 1932 года"[21].

Однако, как известно, такого объединения ленинградских музеев не произошло. Что помешало этому, сейчас сказать трудно, этот вопрос требует специального исследования. В связи с интересующей нас темой стоит обратить внимание на процессы структурных изменений в системе Академии наук, связанных с организацией институтов. Общее собрание АН СССР образовало специальную Организационную комиссию, которая на своем заседании 7 марта 1929 г. рассмотрела широкий круг вопросов реорганизации академии и ряда ее учреждений. 4 апреля 1930 г. Общее собрание АН СССР утвердило Институт востоковедения в списке учреждений по Отделению гуманитарных наук, образованный вследствие слияния Азиатского музея с Коллегией востоковедов, Института буддийской культуры и Тюркологического кабинета[22].

В начале 1929 г. Локальное бюро секции научных работников проверяло работу МАЭ и КИПС'а. Проверочная комиссия отметила утрату КИПС'ом заданного профиля работы и констатировала совпадение во многом основных аспектов деятельности этих двух ведущих ленинградских этнографических учреждений. Действительно, во второй половине 1920-х годов качественно изменился состав научных сотрудников КИПС'а и значительно возросло их количество: сюда для научно-исследовательской работы пришло молодое поколение выпускников этнографического отделения географического факультета ЛГУ, они ездили в экспедиции, откуда привозили этнографические и антропологические коллекции. Все это уже теперь приводило к известному дублированию деятельности МАЭ. Раздавались голоса и о параллелизме с другими академическими учреждениями. Вставал вопрос об уточнении профиля работы КИПС'а. Это признавал и временно исполнявший обязанности председателя КИПС'а акад. Н.Я. Марр. Для ликвидации такого положения он внес предложение о создании в системе АН СССР Центрального института по изучению народов мира[23]. Локальное бюро секции научных работников поддержало это предложение. Одна из ведущих ленинградских газет, оценивая ситуацию, писала: "В настоящее время, когда бурно развивается культурная жизнь народов СССР, самый характер Академии наук как учреждения всесоюзного, требует создания при ней центра по изучению национальностей"[24]. Но в конце 1929 – начале 1930 г. Академии наук СССР было не до организации столь сложного научного учреждения: шли "академические чистки", велось следствие по так называемому "академическому делу". Поэтому, как представляется, Президиум АН СССР ограничился принятием в общем-то косметического решения.

1 февраля 1930 г. вместо КИПС'а был образован Институт по изучению народов СССР (ИПИН)[25]. Новый институт вместо освобожденного от поста Непременного Секретаря акад. С.Ф. Ольденбурга возглавил влиятельный тогда акад. Н.Я. Марр, заместителем директора был назначен Н.М. Маторин. В ИПИН'е вместо региональ-

ной создается новая структура, обеспечивающая активизацию научно-исследовательской и экспедиционной деятельности. Был создан научно-исследовательский отдел, состоящий из ряда научных групп и координирующий экспедиционные работы. В институте активно продолжались картографо-статистические исследования, велось составление очерков о народах СССР, заново были поставлены такие темы, как история народов СССР, изучение материального производства и техники в национальных районах, религий народов СССР, бытового православия, сектантства и т.д. Одним из важнейших направлений работы института являлась подготовка справочника "Народы СССР" (до 50 а. л.), содержащего обширные сведения по этнографии и социалистическому строительству у народов страны. Круг научных исследований расширился за счет привлечения в институт новых сотрудников – как молодых, так и уже заявивших о себе ученых[26]. В апреле 1931 г. в ИПИН'е была образована фольклорная секция с фонограммархивом при ней[27]. В заседаниях рабочих групп института принимали участие не только сотрудники, но и работники других научных учреждений Ленинграда. Издавались "Труды ИПИН'а". Институт с 1931 г. стал издателем журнала "Советская этнография", ответственным редактором которого с первого номера был Н.М. Маторин.

Если учесть, что акад. Н.Я. Марр мало занимался делами института, а основная работа выполнялась его заместителем, и если вспомнить, что Общее собрание АН СССР 12 октября 1930 г. избрало на пост директора МАЭ Н.М. Маторина, то нетрудно сделать вывод о том, что в научно-организационном отношении, возглавляя основные этнографические учреждения Ленинграда, а по существу и в стране (центр этнографической науки тогда находился именно в Ленинграде), последний стал к началу 1930-х годов по существу ведущей фигурой в советской этнографии[28]. Именно это обстоятельство позволило ему возглавить этнографию на состоявшемся в апреле 1932 г. Первом Всесоюзном географическом съезде и выступить на пленарном заседании с докладом "Советская этнография за 15 лет и ее дальнейшие задачи"[29].

Будучи директором МАЭ, Н.М. Маторин значительно активизировал работу коллектива. Теперь научно-исследовательская деятельность сотрудников музея теснейшим образом увязывалась с планами реэкспозиции. В 1932 г. была открыта новая экспозиция, посвященная австралийцам и андаманцам. Отдел эволюции и типологии культуры заменил кабинет музееведения и истории этнографии, в задачи которого входило изучение теории и практики музейного дела, накопление и разработка материалов по истории МАЭ и по истории этнографии, собирание материалов по строительству этнографических музеев СССР и т.д. В МАЭ было учреждено Научное совещание, при котором функционировали три секции: этнографическая, антропологическая и археологическая. В их состав кроме научных сотрудников МАЭ были включены специалисты других научно-исследовательских учреждений Ленинграда и даже Москвы. Работой совещания руководило бюро.

МАЭ пополнился молодыми новыми штатными сотрудниками (З.В. Казакевич, Л.Б. Панек, Б.В. Семичов и др.) и привлеченными на договорных началах (Н.В. Кюнер, Д.Д. Букинич, А.А. Попов, П.П. Ефименко, П.И. Борисковский и др.). При МАЭ проходили подготовку пять аспирантов, в том числе прибывший из США индеец Арчи Финней[30]. Дирекция уделяла большое внимание развитию научных связей с соответствующими советскими и зарубежными этнографическими учреждениями, прежде всего с музеями, а также отдельными крупными учеными. По инициативе музея при Всесоюзном обществе культурных связей с заграницей (ВОКС) была организована фольклорно-этнографическая секция, имевшая целью расширить связи с научно-исследовательскими учреждениями и отдельными учеными за границей[31]. В 1932 г. по соглашению с ВОКС ведущие сотрудники МАЭ трудились над подготовкой специального сборника о развитии советской этнографии, фольклористики и археологии, издание его предполагалось осуществить на трех языках – французском, английском и немецком. В 1933 г. такой специальный выпуск журнала ВОКС благополучно вышел в свет и распространялся за рубежом[32].

Из приведенного выше краткого описания деятельности МАЭ за период с 1930 по 1933 г. можно видеть, что музей не только развивался как научно-исследовательское учреждение, но и принял на себя функции по координации действий и связей с другими научными центрами. Деятельность МАЭ в 1932 г. его директором уже рассматривалась как деятельность Института: в отчете за 1932 г. прямо сказано, что "научно-исследовательская работа *Института* (курсив мой. – *А.Р.*) была теснейшим образом увязана с работой по реэкспозиции Музея"[33]. Едва ли это случайная описка в столь важном документе.

Действительно, 1932 г. был годом активной, сложной и напряженной работы по созданию института, когда, как отмечалось выше, рассматривались разные его варианты. Вся практическая деятельность по созданию академического антрополого-этнографического центра под руководством Президиума АН СССР велась Н.М. Маторином. 2 февраля 1933 г. Общее собрание АН СССР, заслушав доклад Непременного Секретаря акад. В.П. Волгина, утвердило постановление Отделения общественных наук о слиянии МАЭ и ИПИН'а и создании на их базе Института антропологии и этнографии АН СССР, который начал функционировать как новое самостоятельное академическое учреждение 15 февраля[34]. Первым его директором был избран Н.М. Маторин. В письме зарубежному коллеге, сообщая о создании института, он писал: «За эту зиму следует отметить несколько событий на нашем этнографическом фронте. В январе–марте состоялось объединение в одно мощное целое двух учреждений Академии наук СССР, а именно: Института по изучению народов СССР и Музея антропологии и этнографии Академии наук. Образован Институт антропологии и этнографии Академии наук СССР, имеющий 100 штатных сотрудников. Директором Института является Ваш корреспондент, ученым секретарем – проф. И.Н. Винников, работающий в данное время над новым переводом сочинения Моргана "Древнее общество" на русский язык. Музей состоит теперь при Институте»[35].

Музей по-прежнему сохранял деление на отделы. Отдел антропологии возглавлял проф. Б.Н. Вишневский, археологии – С.Н. Замятнин, Сибири – проф. В.Г. Богораз, Передней и Средней Азии – проф. И.И. Зарубин, Индии – проф. В.А. Чатопадайя, Индонезии, где работал американский этнограф Р.Ф. Бартон, – Л.Э. Каруновская, Дальнего Востока – проф. Н.В. Кюнер, Северной Америки – С.А. Ратнер-Штернберг, Африки – Д.А. Ольдерогге и Южной Америки – с В.Г. Богораз. Научно-исследовательская часть собственно института состояла из трех секций: этнографическая (руководитель – Н.М. Маторин), антропологическая (Б.Н. Вишневский) и фольклорная (М.К. Азадовский). В составе этнографической секции функционировали группы: материального производства (первобытной техники) под руководством чл.-кор. АН СССР, проф. Д.К. Зеленина, социальных отношений первобытного общества во главе с И.Н. Винниковым и первобытной идеологии, руководил которой В.Г. Богораз. Фольклорная секция подразделялась на две исследовательские группы: современных форм фольклора (работала под руководством М.К. Азадовского) и фольклора докапиталистической формации (родовой строй и феодализм), возглавляемой проф. Е.Г. Кагаровым[36].

Институт развернул активную научно-исследовательскую деятельность, был подготовлен к изданию первый выпуск первого тома "Трудов Института антропологии и этнографии АН СССР"[37] и первый выпуск сборника статей и материалов "Советский фольклор"[38] (оба под редакцией Н.М. Маторина). С 1933 г. издателем журнала "Советская этнография" стал Институт антропологии и этнографии АН СССР. Несмотря на довольно частую сменяемость состава редколлегий, журнал в 1930-е годы играл крупную роль в развитии советской этнографии, выполняя роль объединяющего центра. В первый год своего существования в составе института музей открыл восемь новых экспозиций и ряд временных выставок, ввел в практику такие новые методы экспозиции, как использование кинофильмов, яванского театра теней, японского кукольного театра, музыкальных иллюстраций и др. Специально была организована подготовка экскурсоводов, проведен ряд семинаров для преподавателей

средних школ; в течение года проведено 1026 экскурсий, музей посетили около 38 тыс. чел.[39]

В институте плодотворно работало новое поколение молодых этнографов: С.М. Абрамзон, Ю.П. Аверкиева, Н.И. Гаген-Торн, Е.В. Гиппиус, Н.П. Дыренкова, С.В. Иванов, Л.Э. Каруновская, Н.А. Кисляков, Н.Ф. Прыткова и др. С институтом сотрудничали такие ученые, как А.В. Бурдуков, А.Н. Генко, В.М. Жирмунский, Н.К. Пиксанов, Н.Н. Поппе и др. Для работы в институте были приглашены американский филиппинист Р.Ф. Бартон, индиец В.А. Чатопадайя, здесь проходили аспирантскую подготовку под руководством Н. М. Маторина американцы: индеец Арчи Финней и Эммануэль Гоник. Наряду с внутрисоюзными экспедициями планировались и международные, строились планы обмена коллекциями с зарубежными музеями. Под председательством директора института стала функционировать комиссия по содействию местным научно-исследовательским институтам[40]. Таким образом, уже первый год деятельности института подтвердил правильность решения о создании в системе АН СССР специального крупного комплексного научного и музейного учреждения, объединившего основные кадры этнографов и антропологов и способного поддерживать широкие внутрисоюзные и международные связи.

1934 г. начался с кадровых изменений: директором института был назначен акад. И.И. Мещанинов, а его заместителем стал А.А. Бусыгин, фактически руководивший учреждением[41]. В отчете института за 1934 г. говорится: "Серьезнейшее организационное изменение – замена прежней структуры Института, страдавшей некоторой отвлеченностью, новой структурой, основанной на тематически-производственном принципе"[42]. Приказом директора института от 15 февраля 1934 г. наряду с отделами – структурными подразделениями музея – была образована система кабинетов. Кабинет Сибири возглавил В.Г. Богораз, Средней Азии – И.И. Зарубин, Индии, Индонезии и Дальнего Востока – В.А. Чатопадайя, Северной и Южной Америки и Африки – Д.А. Ольдерогге, Австралии и Океании – И.Н. Винников, Европы – Е.Г. Кагаров. Образованы новые научно-исследовательские группы: первобытного коммунизма (становление рода, родовой строй) под руководством Н.М. Маторина, разложения родового строя и генезиса классовых формаций во главе с С.Н. Быковским, по изучению фольклора доклассового общества – руководитель Н.М. Маторин, по изучению фольклора классового общества – руководитель М.К. Азадовский, по разработке расовой проблемы – руководитель С.Н. Быковский[43]. В целях развертывания научно-исследовательской работы по археологии приказом от 20 марта наряду с существующим отделом археологии создается кабинет археологии во главе с С.Н. Замятниным, а приказом от 1 ноября – археологическая секция под руководством С.Н. Быковского. С 20 марта в штат института был зачислен П.П. Ефименко[44]. Таким образом, археология заняла в институте достойное место наряду с этнографией и антропологией, что привело в следующем году к переименованию института. Приказ от 15 апреля 1935 г. гласил: "На основании Постановления Объединенного заседания групп Отделения общественных наук от 17 января 1935 г., утвержденного Общим Собранием Академии наук на мартовской сессии 1935 г., Институту антропологии и этнографии присваивается наименование Институт антропологии, этнографии и археологии"[45].

Отдел антропологии музея по-прежнему являлся хранителем богатейших анатомических и антропологических коллекций, которые непрестанно пополнялись, а также базой для работы антропологов: его собрания до сих пор пользуются мировой известностью. Созданное еще в 1927 году по инициативе заведующего отделом Б.Н. Вишневского Межведомственное бюро по антропологическому изучению групп крови у народов СССР ежегодно проводило антропологические экспедиции и стало пионером и всесоюзным центром изучения этой проблемы. В изучении других вопросов научные сотрудники отдела плодотворно контактировали с институтом антропологии при МГУ[46]. Отдел археологии издавна был широко известен как в нашей стране, так и за рубежом как хранилище уникальных археологических коллекций, изучением

которых занимались многие выдающиеся археологи. Собрания обоих отделов демонстрировались на постоянных экспозициях музея[47].

В 1934 г. были ликвидированы кабинеты библиографии (его функции переданы библиотеке института) и кабинет музееведения – вместо него создана была музейная комиссия, дважды менявшая свой состав; один во главе с Э.В. Краснухой, другой – с А.А. Бусыгиным[48]. Дирекция по итогам 1934 г. ставит себе в заслугу "резкий поворот Института в сторону научно-исследовательских работ, до сих пор отступавших перед музейно-экспозиционными"[49]. Этот поворот с годами отрицательно скажется на постановке всех видов музейной деятельности: они станут рассматриваться как второстепенные и не престижные, по сравнению с научно-исследовательскими. За все 1930-е годы не было подготовлено и издано ни одного выпуска "Сборника Музея антропологии и этнографии". Трудно понять причины отмены приказа о комиссии содействия местным научно-исследовательским институтам (приказ № 15 от 14 февраля 1934 г.)[50].

Деятельность дирекции института по развитию научно-исследовательской работы получала полную поддержку со стороны руководства Академии наук, что нашло отражение в расширении штатов и принятии в институт новых научных сотрудников (С.Н. Быковский, А.И. Никифоров, К.М. Мыльникова-Форштейн, В.Е. Краснодембский, В.В. Екимова и др.) и в переводе на более высокие разряды целой группы сотрудников: специалистов-этнографов и антропологов из научных работников I разряда в старшие специалисты, а научных работников II разряда в I разряд и т. д.[51] Особое внимание уделяется созданию справочника "Народы СССР" (ответственным редактором назначается Н.М. Маторин). Для подготовки и редактирования фольклорных сборников создается редколлегия в составе старших специалистов М.К. Азадовского, Н.М. Маторина, В.М. Жирмунского, чл.-кор. АН СССР Н.Н. Поппе, научного сотрудника I разряда Е.В. Гиппиуса[52]. Специально обращается внимание на развитие археологических исследований в институте, для чего по приказу от 16 октября 1935 г. создается редакция археологических сборников "Советская археология" в составе А.А. Бусыгина, С.Н. Быковского, В.А. Городцова, П.П. Ефименко, С.Н. Замятнина, И.И. Мещанинова и В.И. Равдоникаса[53]. Для координации научно-исследовательской работы секций и в целях разработки стержневых тем с привлечением материалов ряда наук: этнографии, антропологии, археологии и фольклористики в марте 1935 г. были созданы новые дополнительные исследовательские группы: расовой теории и ее критики (руководитель – С.Н. Быковский), истории первобытного хозяйства и техники (В.И. Равдоникас) и истории первобытного социального строя (Я.П. Кошкин). В целях повышения научного профессионального уровня для научных сотрудников II разряда было организованы кружки техминимума, для чего разрабатывались специальные планы техминимума по этнографической, антропологической, археологической и фольклорной секциям[54].

Впервые в институте было обращено внимание на организацию хранения научных рукописей. Приказом за № 15 от 4 октября 1935 г. во исполнение постановления Президиума ЦИК СССР от 27 июня 1935 г. ответственным за хранение научных рукописных собраний был назначен чл.-кор. АН СССР Д.К. Зеленин[55].

Менее активно шла музейная работа. Помимо создания временных выставок с явно политическим уклоном, дирекция решала вопросы и по улучшению деятельности музейных служб (дезинфекционная камера, негатека), упорядочению работы по оформлению поступающего в музей нового коллекционного материала путем покупки от организаций и частных лиц[56].

Для лучшей организации деятельности института приказом № 7 от 15 апреля 1935 г. при директоре был образован Совет института в составе директора акад. И.И. Мещанинова (председатель), его заместителя А.А. Бусыгина (заместитель председателя совета), старших специалистов-руководителей секций С.Н. Быковского, Я.П. Кошкина, Б.Н. Вишневского, М.К. Азадовского, старших специалистов В.Г. Богораза, Д.К. Зеленина, ученого секретаря К.В. Вяткиной, заведующей политпросветотделом Э.В. Краснухи[57]. В дальнейшем Совет института пополнялся новыми членами.

Как известно, в 1934 г. начался переезд Президиума АН СССР в Москву, и была поставлена задача переезда по крайней мере части академических учреждений в столицу. Как отмечал в 1934 г. журнал "Советская этнография", "этнография в Москве до самого последнего времени находилась и до сих пор отчасти находится в беспризорном состоянии... В Москве отсутствует и единый научно-исследовательский центр, концентрирующий этнографическую работу"[58]. Поэтому перевод в Москву Института антропологии, археологии и этнографии представлялся весьма желательным. Предполагалось в столице построить специальное здание, в котором должна быть выделена площадь и для него. В связи с этим приказом № 2 от 11 января 1935 г. для окончательной выверки и уточнения заданий по проектированию и строительству нового здания в Москве была выделена комиссия в составе старших специалистов В.Г. Богораза и Е.Г. Кагарова, специалиста Д.А. Ольдерогге, научного сотрудника I разряда Н.Г. Шпринцин и художника-архитектора Л.В. Мацевича под председательством В.Г. Богораза. Комиссии предлагалось "произвести подробный перечень всех помещений с указанием назначения их, рабочей площади, предполагаемую этажность с указанием высоты этажей, размеры и назначение подвалов, схему взаимной увязки помещений, а также представить пояснительную записку с общей характеристикой зданий и обоснованием размеров проектируемых рабочих площадей помещений. Ввиду срочности представления указанных выше сведений предложить комиссии закончить работу к 29 января сего года"[59]. Как это часто бывает, срочность на бумаге не означает срочности на деле. Здание не было построено, и переезд не состоялся.

Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР продолжал в плановом порядке свою научно-исследовательскую, музейную экспозиционную и учетно-хранительскую деятельность. В 1936 г. под редакцией М.К. Азадовского вышел сборник статей "Советский фольклор", № 2/3, и под редакцией И.И. Мещанинова – "Советская археология", № 1. Эти издания являлись органами института, но их редколлегии привлекали к участию в них не только сотрудников института и центральных научных учреждений, но и многочисленные кадры местных работников. В 1936 г. фольклорная секция института провела свою первую сессию, в которой наряду с ленинградскими активное участие принимали ученые Москвы, Киева, Минска, Карелии и др., с докладами выступили известные фольклористы Э.В. Гофман (Померанцева) и Ю.М. Соколов (Москва), В.П. Петров (Киев) и др., а также Н.П. Андреев, В.М. Жирмунский, Е.Г. Кагаров, В.Я. Пропп (Ленинград)[60]. Сессия носила характер всесоюзной конференции. Монографии институт печатал в антропологической, этнографической, фольклорной и археологической сериях "Трудов Института антропологии, археологии и этнографии", среди которых можно отметить такие, как "Тимоновская палеолитическая стоянка" В.А. Городцова, "Вопросы истории доклассового общества. Сборник статей к пятидесятилетию книги Фр. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства"», "Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря" В.И. Равдоникаса, "Тавгийцы" А.А. Попова, "Песни Пинежья. Материалы фонограмм архива, собранные и разработанные Е.В. Гиппиусом и З.В. Эвальд" (кн. 2), "Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло" Н.А. Кислякова, "Справочник по палеолиту СССР" Н.И. Березина, "Русская глиняная игрушка. Происхождение, путь исторического развития" Л.А. Динцеса, "Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов" и "Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов" Д.К. Зеленина, "Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и германцев" Е.Г. Кагарова, "Горные таджики. Материалы по антропологии таджиков" В.В. Гинзбурга, "Патриархальная домашняя община и общинные дома ягнобцев" А.Н. Кондаурова и др. Всего в течение 1934–1940 гг. были опубликованы 15 томов, 19 выпусков трудов института. Сотрудники напечатали множество статей в журнале "Советская этнография" и других изданиях. В институте продолжалась интенсивная работа по подготовке справочников "Народы СССР" и "Народы мира", причем объ-

ем материалов для этих томов значительно возрос за период 1934–1937 гг., и теперь уже шла речь о многотомниках (от четырех до шести томов каждое издание). С конца 1935 г. и до начала 1937 г. в штате института с согласия Президиума АН СССР работали крупные московские этнографы и фольклористы М.О. Косвен, Ю.М. Соколов и В.И. Чичеров[61]. В целях улучшения научно-исследовательской деятельности коллектива в институте была введена новая структура: было упразднено деление на секции, по приказу № 6 от 11 февраля 1937 г. кабинеты подчинялись непосредственно директору института. Заведующим кабинетом Европы и Кавказа был утвержден Д.К. Зеленин, Сибири и Средней Азии – Я.П. Кошкин, Восточной и Южной Азии – Н.В. Кюнер, Африки, Америки, Австралии и Океании – И.Н. Винников (и. о.), археологии – П.П. Ефименко, фольклористики (включая фонограммархив) – М.К. Азадовский, истории религии – Ю.П. Францов[62]. В 1936 г. Президиум АН СССР, подводя итоги совещания Отделения общественных наук с закавказскими филиалами Академии наук, признал необходимым провести подготовительные работы по организации в Институте антропологии, археологии и этнографии кабинета Кавказа и Кавказского отдела музея при этом институте. Было признано целесообразным организацию при институте трехмесячных курсов по переподготовке местных работников по этнографии Кавказа, а также созыв общекавказского совещания по археологии и этнографии Кавказа[63]. Таким образом, вновь образованный отдельный кабинет Кавказа института во главе с проф. А. Н. Генко становился ведущим кавказоведческим центром страны[64]. При кабинетах молодые ученые проходили аспирантскую подготовку[65]. Для сбора полевого этнографического, антропологического и фольклорного материала, проведения археологических раскопок ученые института по принятому в АН СССР плану выезжали в разные районы страны в экспедиции, для участия в которых привлекали местные кадры. Выезжал в экспедиции на Филиппины и работавший в институте американский ученый Р.Ф. Бартон, правда, во время своего отпуска и за свой счет[66]. Дирекция продолжала усиливать внимание к организации хранения научных рукописей. Приказом № 3 от 28 января 1937 г. была назначена специальная комиссия для проверки состояния архивов, хранящихся в кабинетах, отделах и секциях института и выработки правил их дальнейшего хранения в составе Д.К. Зеленина (председатель), Д.А. Ольдерогге и А.Н. Кондаурова[67].

Как представляется, к концу 1936 г. дирекция института начинает понимать приниженное положение музея в структуре учреждения: директор не в состоянии лично оперативно решать вопросы музейной работы. Приказом № 147 от 4 октября 1936 г. директор института акад. И.И. Мещанинов возложил в порядке совместительства обязанности своего заместителя по музею на специалиста Института Д.А. Ольдерогге с дополнительной оплатой в сумме 150 руб. в месяц с 1 октября[68]. Еще радикальнее вопрос о музее решался в приказе № 6 от 11 февраля 1937 г.: "Выделить из состава Института антропологии, археологии и этнографии – Музей антропологии, археологии и этнографии в составе следующих отделов: отдел Европы, Кавказа и Средней Азии – временно исполняющий должность заведующего Н.А. Кисляков, отдел Сибири – заведующий В.Н. Чернецов, отдел Индии, Индонезии и Дальнего Востока – заведующий Н.В. Кюнер, отдел ранней стадии первобытного общества, Австралии и Океании – заведующий И.Н. Винников, отдел Северной, Центральной и Южной Америки – заведующая С.А. Штернберг, отдел Африки – заведующий Д.А. Ольдерогге, отдел археологии – заведующий С.Н. Замятнин, отдел антропологии – заведующий Б.Н. Вишневский, утвердить директором Музея Д.А. Ольдерогге... Фонды Музея антропологии, этнографии и археологии с составом обслуживающего персонала подчинить непосредственно директору Музея"[69]. Теперь руководство музеем приобрело значительно более конкретный характер. Одним из важнейших и ответственных участков музейной деятельности стала тогда выставочная деятельность. Особенно часто создавались выставки, преимущественно временные, на актуальные, злободневные темы: "Колониальная политика империализма (Индия, Америка, Африка, Индонезия)", "Китай и Япония", "Национальная полити-

ка СССР (народы Сибири и Средней Азии)", "Абиссиния", "Восточная Бухара под властью эмирата" и др. Исследователи отмечали высокий научный, идейный и художественный уровень экспозиций музея[70]. Особо следует отметить, что в те годы институт руководил деятельностью не только своего музея, но работал также в тесном контакте с другими ведущими этнографическими музеями Ленинграда и Москвы, а также с музеями на местах в различных регионах страны[71].

После смерти в 1936 г. директора Музея истории религии и атеизма проф. В.Г. Богораза этот музей в феврале 1937 г. со своими фондами, экспозициями и штатами был передан в институт антропологии, археологии и этнографии. Именно приказом по институту (№ 9 от 26 февраля) назначалось новое руководство этой структуры[72]. Таким образом, в начале 1937 г. в составе института состояли два крупных музея: Музей антропологии и этнографии и Музей истории религии и атеизма.

Очевидно, в начале 1937 г. институт испытывал определенные трудности с кадрами, выдвижение которых в будущем не могло бы у соответствующих выше стоящих органов вызвать те или иные претензии. Поэтому руководство академии и института вынуждено было опираться на помощь старых кадров (Д.К. Зеленин, Е.Г. Кагаров, Н.В. Кюнер, Б.Н. Вишневский и др.), лояльно относившихся к марксизму, привлекать их к заведыванию научными и музейными подразделениями, участию в работе Ученого совета. Приказом по институту за № 11 от 10 марта 1937 г. был утвержден состав Ученого совета института, куда вошли акад. И.И. Мещанинов, чл.-кор. АН СССР Д.К. Зеленин, Н.В. Кюнер, И.Н. Винников, Я.П. Кошкин, П.П. Ефименко, М.К. Азадовский, Д.А. Ольдерогге, Я.Г. Лидак, В.И. Равдоникас, Б.Н. Вишневский, Е.Г. Кагаров, С.М. Абрамзон, но уже приказом № 13 от 21 марта он был дополнен В.А. Чатопадайя, Ю.П. Францовым и Э.В. Краснухой[73].

А время было действительно сложным. Недоумение в коллективе института вызвало освобождение от должности первого его директора Н.М. Маторина в конце 1933 г., не проработавшего в ней и года. Обстановка стала нагнетаться с его арестом в ночь на 3 января 1935 г., исключением из партии и приговором к 5 годам испытательно-трудовых лагерей "за контрреволюционную деятельность". 11 октября 1936 г. он был повторно осужден, приговорен к расстрелу. Приговор привели в исполнение в тот же день[74]. Одновременно с Н.М. Маториным был расстрелян А.А. Бусыгин (арестован 1 мая 1936 г.)[75]. Далее последовали другие аресты преимущественно по доносам коллег. В 1936 г. арестовали Н.И. Гаген-Торн, С.Н. Быковского, в 1937 г. – В.С. Адрианова, Я.П. Кошкина, В.А. Чатопадайя, А.С. Форштейна, Б.Н. Вишневского, А.Н. Липского и др. Были высланы из Ленинграда З.В. Казакевич, К.М. Мыльникова-Форштейн и др. Среди репрессированных оказались прежде всего ведущие специалисты, руководители научных подразделений, молодые талантливые ученые, успевшие ярко заявить о себе. Можно себе представить, в каком тяжелом состоянии продолжал работать институт: ведь, как утверждалось, "враги живут и действуют среди нас", и гремели призывы повышать и проявлять революционную бдительность... Аналогичная ситуация была характерна и для Государственного Музея этнографии в Ленинграде и Музея народов СССР в Москве.

В 1937 г. институт пережил еще одну значительную реорганизацию. 5 июля 1937 г. Президиум АН СССР вынес постановление о необходимости уточнения профиля института, в связи с чем он был переименован в Институт этнографии АН СССР с Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого[76]. 19 августа 1937 г. в должность директора института вступил акад. В.В. Струве, на долю которого выпала задача проведения реорганизации. И на этот раз, как всегда, не обошлось без перегибов. В связи с тем, что из названия института были убраны слова "антропология и археология" без учета того факта, что в музее хранились богатейшие археологические и антропологические собрания, проводились соответствующие сокращения штатов. Так, уже с 16 октября 1937 г. был уволен с мотивировкой "ввиду реорганизации Института антропологии, археологии и этнографии в Институт этнографии и исключения из его тематики тем по антропологии" антрополог Е.В. Жиров[77]. В ян-

варе 1938 г. с более корректной формулировкой освобождены от должностей археологи П.П. Ефименко и С.Н. Замятнин "в связи с переходом на работу в Институт истории материальной культуры"[78]. В МАЭ еще оставались в незначительном количестве антропологи и археологи. С 25 января 1938 г. отдел археологии возглавил Д.Н. Лев, с 1 февраля отдел антропологии – В.В. Гинзбург[79].

Отмечая 20-ю годовщину Великой Октябрьской революции, институт провел в декабре 1937 г. пленум, по существу специальную научную сессию[80], на которой в целях выполнения постановления Президиума АН СССР от 5 июля 1937 г. с основным докладом выступил акад. В.В. Струве. Определяя содержание и предмет этнографической науки и ее задачи на ближайший период, он говорил: "Этнография изучает свои специфические закономерности. Она в первую очередь изучает общества, которые не переросли в прошлом нашей родины, в эпоху капитализма, в нации, пребывая тогда еще по существу на стадии разложения родового строя или раннеклассового общества... Советская этнография не может ограничиться одним лишь изучением прошлого... Советская этнография должна изучать и выявлять тот беспримерный в истории процесс перерастания племен нашего Союза в национальности и возрождения их культуры, "социалистической по своему содержанию и национальной по форме"... Советский этнограф должен изучать те пережитки, которые остались в виде тяжелого наследства от старого классового общества, и выявлять те причины, которые задерживают их отмирание. Он тем самым окажет деятельную помощь социалистическому строительству"[81].

Юбилейной тематике были посвящены доклады по этнографии Е.Г. Кагарова и по фольклористике М.К. Азадовского, а также Д.К. Зеленина "Культурный рост народов крайнего Севера и советские этнографы" и Н.П. Андреева "Великая Октябрьская социалистическая революция и народное творчество". Остальные доклады были посвящены традиционной этнографической тематике (В.Н. Чернецов "Фратриальное устройство в обско-угорском обществе", Н.А. Кисляков "К истории Каратегина" и т. д.). В 1937 г. в музее торжественно была открыта новая экспозиция "Происхождение человека", в создании которой также приняли участие московские антропологи Г.Ф. Дебец и Н.Н. Чебоксаров, а в 1938 г., к 50-летию со дня смерти Н.Н. Миклухо-Маклая, – очень содержательная и прекрасно оформленная посвященная ему выставка.

Знаменательным событием в советской этнографии явилось проведение Институтом этнографии АН СССР 7–11 июня 1938 г. заседаний по вопросам этнографии и фольклора народов СССР, которые по своему составу участников и значению заслушанных и обсуждавшихся вопросов можно приравнять к всесоюзному совещанию[82]. На 16 заседаниях было заслушано 56 докладов. Повестка дня пленарных заседаний была разнообразной и включала как чисто научные, так и довольно политизированные доклады: акад. В.В. Струве "Задачи Института этнографии АН СССР в связи с актуальными проблемами советской этнографии"[83], проф. Ю.М. Соколов "Основные линии развития советского фольклора", М.А. Сергеев "В.Л. Комаров как исследователь населения Камчатки", акад. Н.С. Державин «Троян в "Слове о полку Игореве"», чл.-кор. АН СССР Д.К. Зеленин "Историческая общность культуры русского и украинского народов", проф. Н.П. Андреев "Образ Ленина и Сталина в фольклоре народов СССР". Московская наука была представлена докладами Г.Ф. Дебеца "Антропологический материал как исторический источник", В.Н. Белицер "Материальная культура башкир Бурзянского района", С.В. Бахрушина "Хозяйство и общественный строй якутов XVII и XVIII вв.", С.А. Токарева "Происхождение якутской народности", В.Ю. Крупянской "Принципы систематизации и каталогизации фольклора (на основе опыта фольклорного отдела Государственного литературного музея)", Р.С. Липец "Классовая роль религиозных верований на рыбных промыслах б. Архангельской губернии", Е.М. Шиллинга "Кубачи" и др.[84] Достойно была также представлена грузинская этнография: Г.С. Читая "Пахотное орудие из Земо-Боли", В.В. Бардавелидзе "Одна из графем грузинского алфавита в

свете древнейших верований сванов", Р.Л. Харадзе "О некоторых элементах женского головного убора картвельских племен", С.И. Макалатия "Культ Джеге-Мисарони (Георгий-Митра) в Грузии" и др. Отмечу еще доклады представителей других республик и городов: В.П. Петрова (Киев) "Подсечное земледелие и его пережитки на Украине. Система агротехники подсечного земледелия", А.И. Писарева (Ижевск) "Фольклорные богатства удмуртского народа", Г.Ф. Турчанинова (Нальчик) "Изучение и собирание кабардинского фольклора Кабардино-Балкарской АССР" и др. Наиболее мощно были представлены этнографы и фольклористы Ленинграда: проф. Н.В. Кюнер "Обзор японских и китайских источников о народах Сибири", проф. В.М. Жирмунский «Источники "исторической поэтики" А.Н. Веселовского», проф. М.К. Азадовского "Вопросы происхождения былинного эпоса в концепции А.Н. Веселовского", Н.П. Никульшина "Первобытные производственные объединения и их роль в социалистическом строительстве у эвенков", Г.Н. Прокофьева "Этногенез народностей Обь-Енисейского бассейна (ненцы, селькупы, нганасане, энцы, манси, кеты)", Н.Н. Тихоницкой "Коллективные сельскохозяйственные работы в сельской общине восточных славян", Е.Н. Студенецкой "Кочевое товарищество у горцев Северного Кавказа", А.М. Астаховой "Беломорская сказительница М.С. Крюкова", Н.П. Гринковой "О некоторых терминах, связанных с техникой вышивания у русских", Л.А. Динцеса "Народное искусство Ленинградской области (вепсы, русские, эсты, ижоры)", Л.И. Лаврова "Становление государства у черкесов и убыхов", К.Л. Задыхиной "Теленгуты и их место в истории казахов" и др.[85]

Я позволил себе привести столь длинный перечень докладов, чтобы, во-первых, познакомить читателей с программой незаслуженно забытых всесоюзных научных заседаний (они проводились по программе и под эгидой Отделения общественных наук АН СССР), во-вторых, на конкретных примерах показать полный примат традиционной этнографической тематики. Конечно, к тому времени советские этнографы, даже представители старой школы, уже 20 лет старательно овладевали марксизмом-ленинизмом, поэтому интерпретация этнографического материала давалась с определенных идеологических позиций, все больший размах приобретало обязательное цитирование классиков марксистской теории и т. д. Вместе с тем нельзя не признать, что не было безудержного перехода на современную тематику даже в роковые 1937–1938 гг. Более того, в традиционной тематике этнографы и фольклористы находили для себя более безопасную нишу в стремлении сохранить свою жизнь. Те, кто занимался, а тем более руководил темами по современности в первую очередь подвергались репрессиям и критике. Еще в 1934 г. под руководством Н.М. Маторина велись работы по справочнику "Народы СССР", рассчитанному на шесть томов, причем два первые тома были сданы в печать[86]. После ареста "контрреволюционера" Н.М. Маторина вся работа по существу была начата заново, не вышли и находившиеся в издательстве тома. На новом этапе авторский коллектив этого издания возглавил Я.П. Кошкин. Но когда оказалось, что Я.П. Кошкин – "враг народа", то в конце 1930-х годов ответственным редактором издания был утвержден акад. В.В. Струве, а редактором – С.В. Иванов. Оба отличались исключительной боязливостью совершить ошибку, а потому неизменно проявляли чрезвычайную осторожность. В 1939–1940 гг. все разделы теперь уже однотомника были подвергнуты строжайшему внутреннему рецензированию, для чего были привлечены крупные научные силы: Н.Н. Поппе, М.А. Сергеев, С.Е. Малов, А.Н. Генко и др.[87] Предполагалось сначала издать однотомник "Народы СССР", но параллельно шла работа и по многотомнику, из которого к середине 1941 г. были наиболее готовы тома по Средней Азии и Сибири. После ареста В.А. Чатопадайя деятельность по подготовке многотомника "Народы мира" практически застопорилась.

В конце 1930-х годов, очевидно, используя трудности, переживаемые Институтом этнографии АН СССР после репрессий, включая аресты и высылки, в Москве предпринимались попытки создать отвечающий духу времени всесоюзный Институт этнографии, как будто институт в Ленинграде не был таковым. В своем материале, да-

тированном 14 июля 1938 г. и, вероятно, предназначенном для посылки в руководящие советские и партийные инстанции, В.В. Богданов писал: "Советская этнография, освобожденная теперь от засилья группы негодяев, достаточно жизнеспособна... Сейчас перед советской этнографией стоят определенные, реальные задачи, потому что она есть наука о народах СССР, об их национальном прошлом и об их славном настоящем, в котором расцвели их национальные силы на основе ленинско-сталинской национальной политики. Изучение народов СССР в духе советского социалистического понимания единства народов и изучение их национальных особенностей в духе ленинско-сталинской национальной политики – вот те два рычага, которыми советская этнография, осмыслит и укрепит стремление народов к мирному их сотрудничеству не только в советской стране, но и далеко за ее пределами. Сейчас советские этнографы должны объединиться в сильный всесоюзный коллектив, начать сейчас же свой путь деятельности, действовать уверенно и рационально, по идейной линии единства всех народов СССР... Нужно сейчас же, без больших промедлений, выработать проект специальной научной организации, солидной, хорошо вооруженной кадрами, материальными средствами, содействием партии ВКП (б) и правительства СССР. Такую организацию следует создать в виде Всесоюзного института этнографии при Академии наук СССР, с соответствующими филиалами, действующими в главных научных центрах национальных республик..."[88].

Этот материал не вызвал никаких последствий. Институт этнографии АН СССР в Ленинграде продолжал свою деятельность, которая в конце 1930-х – начале 1940-х годов еще более усложнилась: приказы пестрят призывами к бдительности, охране социалистического имущества, быть готовыми к обороне. На все случаи назначались ответственные и дежурные: по организации пожарной безопасности, дегазации, санитарной обороны, по подготовке помещений на случай нападения противника и т.д. и т.п. Сотрудники круглосуточно дежурили в институте, постоянно проходили различные инструктажи: по пользованию противогазами, оказанию первой медицинской помощи, организации противовоздушной обороны... Дирекция постоянно обращала внимание на случаи незакрытых помещений ("небрежное отношение к охране вверенных им ценностей"!) и даже дверей на лестницу, на появление в здании посторонних лиц[89]... Но и в такой обстановке сотрудники продолжали научно-исследовательскую и музейную деятельность, издавать новые труды. Определяя в 1939 г. задачи института на ближайший период, дирекция исходила из того, что "Институт этнографии Академии наук СССР является всесоюзным центром этнографической науки"[90]. В соответствии с постановлением СНК СССР от 8 мая 1938 г. о работе Академии наук СССР, институт наметил такие меры, как ликвидация раздробленности тематики, ее узости, усиление разработки теоретических проблем, борьба с реакционными и лженаучными теориями в этнографии и т. д. Помимо оригинальных исследований по самым различным темам, построенных на собственных полевых материалах, предусматривалось издание классиков (Л.Г. Моргана, И.Я. Бахофена) и работ крупнейших этнографов (М.М. Ковалевского, Б.Г. Богораза, Л.Я. Штернберга и др.)[91]. К работе по созданию многотомника "Народы СССР" было решено привлечь специалистов, работавших в других научных центрах страны[92]. В целях усиления этнографического изучения народов СССР планировалось значительное развитие этнографических экспедиций, которые бы по единому общесоюзному плану работали среди наименее изученных народов страны. В планы входили подготовка и издание двухтомника по этнографии зарубежных народов, а также отдельным народам мира. Особое внимание в целях координации деятельности этнографов СССР уделялось изданию сборников статей "Советская этнография"[93] и многому другому[94]. Выполнение этих громадных планов потребует "объединения всех советских этнографов в единый творческий коллектив, тесной связи института с местными научно-исследовательскими учреждениями и в первую очередь – филиалами и базами Академии наук"[95].

Было решено издавать "Бюллетень Института этнографии АН СССР" и до войны силами сотрудников института подготовили первый номер, но война помешала его изданию[96]. 23 ноября 1940 г. была проведена научная сессия, посвященная памяти Л.Я. Штернберга, на которой с докладами выступали С.В. Иванов, Д.А. Ольдерогге, Ю.П. Францов, А.П. Окладников и Н.А. Кисляков[97]. В 1941 г. закончилось издание сборника работ Н.Н. Миклухо-Маклая "Путешествия" в двух томах. По этому поводу Я.Я. Рогинский писал в рецензии: "Появление двух томов, содержащих все этнографические и важнейшие антропологические работы путешественника и исследователя Н.Н. Миклухо-Маклая, представляет крупное событие в научной жизни страны"[98].

В декабре 1940 г. акад. В.В. Струве был избран директором Института востоковедения АН СССР. 2 января 1941 г. директором Института этнографии АН СССР стал один из его старейших сотрудников проф. И.Н. Винников, с 1938 г. возглавлявший также кафедру этнографии ЛГУ[99]. Особое внимание институт продолжал проявлять по отношению к этнографическим учреждениям Западной Украины и Западной Белоруссии, куда специально выезжали сотрудники М.К. Азадовский и К.А. Пушкаревич. Большую консультационную помощь кафедре этнографии и фольклора Львовского университета (заведующий – проф. А. Фишер) оказал чл.-кор. АН СССР, проф. Д.Н. Зеленин[100]. Институт оперативно установил контакты с этнографами недавно вошедших в состав СССР прибалтийских соседних республик Эстонии, Латвии, Литвы. К началу 1941 г. при участии этнографов Эстонии и Латвии был подготовлен сборник статей "Советская этнография", посвященный этнографии в прибалтийских советских республиках[101]. Первая половина 1941 г. проходила в институте под знаком реорганизации: вместо существовавшей ранее параллельной структуры кабинетов в институте и отделов в музее создавалась единая система отделов[102]. С началом лета начался разъезд сотрудников в экспедиции и отпуска. 19 июня заместитель директора С.М. Абрамзон вернулся из командировки по закавказским республикам, куда он выезжал для ознакомления с работой этнографических учреждений Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР, а также по делам института.

22 июня грянула война. В 1941 г. ушли в армию добровольцами или по мобилизации все военнообязанные сотрудники. С 25 июня до особого распоряжения музей был закрыт для одиночных посетителей, а вскоре приступили к свертыванию экспозиций и подготовке коллекций к эвакуации. Однако с началом блокады города 8 сентября вывезти подготовленные к отправке в тыл бесценные грузы оказалось невозможным. В ящиках они пережили блокаду в подвалах Эрмитажа и в здании музея. В институте действовал штаб местной противовоздушной обороны, сотрудники дежурили на крыше здания. Способные к физическому труду посылались на окопные работы. Оставшийся в блокадном Ленинграде коллектив, несмотря на все тяготы, продолжал научно-исследовательскую деятельность и работу по охране музейных коллекций[103]. Тяжело пережили сотрудники блокадную суровую зиму 1941–1942 гг., многие умерли[104]. С фронта приходили в институт известия о гибели коллег[105].

12 июня 1942 г. на большую землю была эвакуирована основная группа научных сотрудников института. В Ленинграде оставался небольшой коллектив в 21 чел., в том числе уполномоченный по институту Р.И. Каплан-Ингель, старший научный сотрудник, кандидат наук К.В. Вяткина, младшие научные сотрудники В.В. Антропова, М.Д. Торэн, В.В. Федоров, заведующая канцелярией А.Н. Калдыкина и обслуживающий персонал. Эвакуированная группа во главе с и. о. директора С.М. Абрамзоном прибыла 2 ноября в г. Ташкент. Таким образом, к концу 1942 г. институт состоял из двух частей: ленинградской и ташкентской[106].

21 декабря 1942 г. на заседании Президиума АН СССР по докладу вице-президента акад. В.П. Волгина "Об Институте этнографии АН СССР" было принято короткое, без всяких мотивировок решение: "1. Освободить проф. И.Н. Винникова от занимаемой должности директора Института этнографии АН СССР. 2. И.о. директора Института этнографии АН СССР назначить д. и. н. С.П. Толстова... 3. Разрешить

Институту этнографии организовать Московскую группу, передав этой группе из Комиссии по этногенезу при Отделении истории и философии АН СССР Группу карт народов с бюджетом и штатами. Непосредственное руководство Московской группой Института этнографии возложить на и. о. директора Института доктора исторических наук С.П. Толстова"[107].

Таким образом, с 1943 г. Институт этнографии АН СССР начинал свою деятельность уже в составе трех групп. В феврале 1943 г. свой 10-летний юбилей институт мог отметить только в Ташкенте, где находился основной его костяк. Однако юбилей не состоялся, так как не было организатора, заинтересованного в его проведении, хотя и здесь коллектив мог бы подвести итоги сложного первого десятилетия, за которое все-таки удалось сделать многое. Реальные же планы на будущее строил только новый директор Сергей Павлович Толстов.

Примечания

[1] Об этом подробнее см.: *Пыпин А.Н.* История русской этнографии. Т. I. Общий обзор изучения народности и этнография великорусская. СПб., 1890. 424 с.; Т. II. Общий обзор изучения народности и этнография великорусская. 1891. 428 с.; Т. III. Этнография малорусская. 1891. – 425 с.; Т. IV. Белоруссия и Сибирь. 1892. 488 с.; *Токарев С.А.* История русской этнографии (Дооктябрьский период). М., 1966. 453 с.

[2] *Б.* Этнография на XII съезде естествоиспытателей и врачей в Москве // Землеведение. Т. XVII. Кн. 1. М., 1910. С. 118.

[3] Там же.

[4] *Козлова К.И., Чебоксаров Н.Н.* Этнография в Московском университете // Сов. этнография (далее – СЭ). 1955. № 1. С. 107.

[5] Петри Эдуард Юльевич // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 23. СПб., 1898. С. 453.

[6] *Шангина И.И.* Российскому этнографическому музею – сто лет. Хроника событий // Музей. Традиции. Этничность. XX–XXI вв. Матер. Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию Российского Этнографического музея. Санкт-Петербург; Кишинев, 2002. С. 12–23.

[7] *Станюкович Т.В.* Из истории этнографического образования (Ленинградский географический институт и географический факультет ЛГУ) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. V. М., 1971. С. 134 (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. 95).

[8] *Карский Е.* Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (КИПС). Докл. на I съезде славянских географов и этнографов в Праге. Л., 1924; *Золотарев Д.А.* Постоянная Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (КИПС) // Природа. 1925. № 7/9. Стб. 201–206.

[9] *Ипполитова А.Б.* История Музея народов СССР в Москве // Этнографическое обозрение (далее – ЭО). 2001. № 2. С. 144–160.

[10] *Платонова Н.И.* Российская Академия истории материальной культуры. Этапы становления. 1918–1919 гг. // Сов. археология. 1983. № 4. С. 5–16; *Массон В.М.* Институт истории материальной культуры: краткая история учреждения, научные достижения. СПб., 1997.

[11] *Винников И.* Научно-исследовательское объединение кафедр при этноотделении // Этнограф-исследователь (Журнал науч.-исслед. этнограф. кружка этноотделения геогр. фак-та Ленинградского гос. ун-та). 1928. Май–август. № 2–3. С. 9–10.

[12] *К[ошкин] Я., М[аторин] Н.* Совещание этнографов Ленинграда и Москвы (5 апреля – 11 апреля 1929 г.) // Этнография. 1929. № 2. С. 120, 122.

[13] Там же. С. 132.

[14] Там же. С. 139.

[15] Там же. С. 140.

[16] Там же. С. 141.

[17] Подробнее об этом см.: *Решетов А.М.* Журналу российских этнографов 75 лет (некоторые вопросы истории). Ч. 1 (1926–1930) // ЭО. 2001. № 4. С. 27–37.

[18] Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее – СПФА РАН). Ф. 142. Оп. 1 (1931). Д. 15. Л. 1.

[19] Там же.

[20] Там же. Л. 3.

[21] Там же. Л. 5. См. также: СПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1931). Д. 5. Л. 246.

[22] Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 48.

[23] СПФА РАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 79. Л. 48.

[24] Вечерняя красная газета. 1929. 15 дек.

[25] Отчет о деятельности АН СССР за 1930 год. Л., 1931. С. 248; Архив РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 254. Л. 4; *Решетов А.М.* КИПС-ИПИН и их роль в отечественной этнографии// V конгр. этнографов и антропологов России: Тез. докл. М., 2003. С. 90.

[26] Отчет о деятельности АН СССР в 1932 году. Л., 1933. С. 208–211.

[27] СЭ. 1931. № 3–4. С. 242.

[28] Подробнее о Н.М. Маторине см.: *Решетов А.М.* Николай Михайлович Маторин (опыт портрета ученого в контексте времени) // ЭО. 1994. № 3. С. 132–153.

[29] *Данилин А.Г.* Секция этнографии Всесоюзного Географического съезда // СЭ. 1933. № 12. С. 113–117.

[30] СПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1932). Д. 4. Л. 1, 2, 7.

[31] Там же. Л. 12, 13.

[32] Recuel periodique illustré. Organe de la Sociéte pour relasions culturelles entre l'U.R.S.S. et l'Etranger. 4 anneé. Vol. IV. M., 1933. VOKS. Ethnographie, Archéologie et Folklore en U.R.S.S. Подробнее об этом издании см.: *Маторин Н.М.* Письмо к доктору Андрэ Вараньяку // Курьер Петровской Кунсткамеры. 1999. Вып. 8/9. С. 203.

[33] Отчет о деятельности АН СССР в 1932 году. С. 204.

[34] Архив РАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 97. Л. 13; Ф. 2. Оп. 7. Д. 2. Л. 6.

[35] *Маторин Н.М.* Указ. соч. С. 203, 204.

[36] Там же. С. 204, 205; Отчет о деятельности АН СССР в 1933 году. С. 218.

[37] *Зеленин Д.К.* Имущественные запреты как пережитки первобытного коммунизма. Л., 1934 (Тр. Ин-та антропологии и этнографии АН СССР. Т. 1. Вып. 1).

[38] Советский фольклор: Ст. и матер. Вып. 1. Л., 1934.

[39] Отчет о деятельности АН СССР в 1933 году. С. 213.

[40] Там же. С. 218.

[41] *Решетов А.М.* Николай Михайлович Маторин... С. 145, 146.

[42] Отчет о деятельности АН СССР за 1934 г. М.; Л., 1935. С. 385.

[43] ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1940). Д. 35. Л. 4, 12.

[44] Там же. Л. 10, 17.

[45] Там же. Л. 23.

[46] *Вишневский Б.Н.* Антропология в СССР за 17 лет (1917–1933) // СЭ. 1934 № 1/2. С. 234–244.

[47] Музей Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР. Отдел археологии. Путеводитель / Сост. Д.Н. Лев. М.; Л., 1936; Музей Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР. Происхождение человека. Путеводитель по антропологическим коллекциям вводного отдела / Сост. Б.Н. Вишневский. М.; Л., 1937.

[48] СПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1940). Д. 35. Л. 3.

[49] Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. С. 385.

[50] СПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1940). Д. 35. Л. 4.

[51] Там же. Л. 6–7.

[52] Там же. Л. 15, 17.

[53] Там же. Л. 27.

[54] Там же. Л. 21, 22.

[55] Там же. Л. 26.

[56] Там же. Л. 22, 27.

[57] Там же. Л. 23.

[58] *А. З[олотарев]*. Этнография в Москве // СЭ. 1934. № 4. С. 118.

[59] СПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1940). Д. 35. Л. 20.

[60] *Шахнович М.* Первая сессия фольклорной секции Института антропологии, археологии и этнографии // СЭ. 1936. № 3. С. 108.

[61] СПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1940). Д. 36. Л. 2, 7, 8, 48. Не исключено, что увольнение М.О. Косвена, Ю.М. Соколова и В.И. Чичерова из института с 15 февраля 1937 г. связано с запрещением совместительства без согласия Президиума АН СССР, хотя в свое время они были зачислены по решению именно этого органа.

[62] СПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1940). Д. 36. Л. 49.

[63] Постановление президиума АН СССР об итогах совещания Отделения общественных наук с Закавказскими филиалами Академии наук // СЭ. 1936. № 4/5. С. 227.

[64] *Генко А.Н.* Задачи этнографического изучения Кавказа// СЭ. 1936. № 4/5. С. 6–20.

[65] СПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1940). Д. 36. Л. 3, 9.

[66] Там же. Л. 82.

[67] Там же. Л. 45, 46.

[68] Там же. Л. 61.

[69] Там же. Л. 48–50.

[70] *Станюкович Т.В.* Этнографическая наука и музеи (по материалам этнографических музеев Академии наук). М., 1978. С. 208.

[71] Там же. С. 209.

[72] СПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1940). Д. 35. Л. 50.

[73] Там же. Л. 52, 53.

[74] *Решетов А.М.* Николай Михайлович Маторин... С. 145–149.

[75] Там же. С. 152–153.

[76] СПФА РАН. Ф. 2. Оп. 6а. Д. 8. Л. 293; Д. 7. Л. 126–131; Д. 10. Л. 238; Ф. 394. Оп. 6. Д. 8. Л. 39.

[77] СПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1940). Д. 37. Л. 17. Е.В. Жиров был вновь зачислен с 11 июня 1938 г. (Там же. Л. 44).

[78] Там же. Л. 28.

[79] Там же. Л. 28, 30.

[80] *Абрамзон С.М.* Пленум Института этнографии (декабрь 1937 г.) // Сов. этнография: Сб. статей. Т. 2. М.; Л. 1939. С. 230–232.

[81] Там же. С. 231.

[82] Экземпляр Программы заседаний по вопросам этнографии и фольклора народов СССР (Л., 1938) хранится в архиве автора.

[83] Доклад В. В. Струве под более общим и еще более руководящим названием для всех этнографов страны был опубликован. См.: *Струве В.В.* Советская этнография и ее перспективы// Сов. этнография: Сб. ст. Т. 2. С. 3–10.

[84] Нельзя не отметить отсутствие на этих заседаниях московских этнографов В.В. Богданова, С.П. Толстова и А.М. Золотарева.

[85] Подробнее о заседаниях 7–11 июня 1938 г. см.: *Абрамзон С.М.* Итоги заседания по вопросам этнографии и фольклора народов СССР // Сов. этнография: Сб. ст. Т. 2. С. 213–217.

[86] Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. С. 389.

[87] Архив Музея антропологии и этнографии (далее – Архив МАЭ). Ф. К-I. Оп. 1. Д. 93.

[88] *Богданов В.В.* Очередной вопрос советской этнографии // СПФА РАН. Ф. 849. Оп. 5. Д. 69. Л. 1–3.

[89] СПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1940). Д. 35. Л. 52, 56, 57 и др.

[90] *Абрамзон С.М.* Программа ближайших работ Института этнографии АН СССР// Сов. этнография: Сб. ст. Т. 2. С. 208.

[91] Работа по подготовке издания трудов Л.Г. Моргана и Л.Я. Штернберга практически началась вскоре после создания института. Подробнее см.: *Вяткина К.В.* Работа института антропологии, археологии и этнографии АН СССР за 1935 г. // СЭ. 1936. № 1. С. 139–141; *Бломквист Е.Э.* Издание трудов Л.Г. Моргана // Там же. № 2. С. 125, 126.

[92] Предполагалось на основе строго проверенных научных данных этнографии, истории, лингвистики, статистики, антропологии и т. д. дать четкое описание всех народов СССР. Был разработан и предложен авторами единый проспект статьи этого издания. См.: Программа подготовляемого Институтом этнографии сборника "Народы СССР" // Сов. этнография: Сб. статей. Т. 2. С. 210–212.

[93] Подробнее см.: План сборников "Советская этнография"// Там же. С. 212, 213.

[94] Подробнее см.: *Абрамзон С.М.* Программа ближайших работ Института этнографии АН СССР. С. 208–210.

[95] Там же. С. 210.

[96] Архив МАЭ. Ф. К-I. Оп. 1. Д. 65.

[97] Там же. Л. 15-19.

[98] *Рогинский Я.Я.* Рец. на кн.: Миклухо-Маклай Н.Н. Путешествия / Отв. ред. акад. В.В. Струве, подгот. к печати И.Н. Винников, А.Б. Пиотровский. Т. I. М.; Л. 1940. Т. II. 1941 // Сов. этнография: Сб. ст. Т. VI–VII. М.; Л., 1947. С. 292.

[99] Об И.Н. Винникове см.: *Решетов А.М.* Профессор И.Н. Винников как этнограф // Матер. науч. конф. Восточного фак-та, посвященной 275-летию Санкт-Петербургского ун-та. 8-9 апреля 1999 года. СПб., 1999. С. 217–220.

[100] СПФА РАН. Ф. 849. Оп. 3. Д. 431.

[101] Архив МАЭ. Ф. К-I. Оп. 1. Д. 93.

[102] *Решетов А.М.* Отдание долга. Ч. III. Институт этнографии во время Великой Отечественной войны (некоторые вопросы истории) // ЭО. 1995. № 6. С. 3–5.

[103] Подробнее см.: Там же. С. 5–15.

[104] *Решетов А.М.* Отдание долга. Ч. I. Памяти сотрудников Института этнографии, погибших в блокадном Ленинграде // ЭО. 1995. № 2. С. 40–62.

[105] *Решетов А.М.* Отдание долга. Ч. II. Памяти сотрудников Института этнографии – воинов Великой Отечественной войны // ЭО. 1995. № 3. С. 3–20; № 4. С. 3–24.

[106] В этой связи странным кажется утверждение, что "в предвоенные годы в Институте этнографии АН СССР... ленинградская и московская части Института работали по единому плану". См.: *Пивнева Е.А.* О научных проектах Института этнографии и антропологии РАН: вчера и сегодня // Российская наука о человеке: вчера, сегодня, завтра: Матер. Междунар. науч. конф. Вып. 1. СПб., 2003. С. 132.

[107] СПФА РАН. Ф. 1045. Оп. 2. Д. 112. Л. 3. Подробнее см.: *Решетов А.М.* Отдание долга. Ч. III. С. 3–7.

A.M. Reshetov. The Institute of Anthropology and Ethnography – the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR: 1933–1943

Research and social activities of the scholars of the Institute of Anthropology and Ethnography (later the Institute of Ethnography) in the context of events, which took place during the 1930s in the country and in the science of history are recounted. The author tells on the history of the Institute's organization. As a result of the merging of two previously existed institutions in 1933, the Institute on the Study of the Peoples of the USSR and the Museum of Anthropology and Ethnography, an influential institution with research and museum departments and extensive relations with anthropologists both in the country and abroad had been formed. The Institute's researchers, among whom there were many outstanding anthropologists, were active in fieldwork research, ethnographic exhibitions organization and extensive publications of the research results. The difficulties of the first war years are recollected and described.